

Пространственные связи локального сообщества (на примере дер. Пронино Весьегонского района Тверской области)*

И. П. Смирнов¹, Д. М. Виноградов¹, А. И. Алексеев²

¹ Тверской государственный университет,
Российская Федерация, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Смирнов, И. П., Виноградов, Д. М., Алексеев, А. И. (2021). Пространственные связи локального сообщества (на примере дер. Пронино Весьегонского района Тверской области). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 66 (2), 236–251.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.203>

Статья посвящена актуальным вопросам исследования миграции населения на локальном уровне. На примере конкретного сельского населенного пункта — деревни Пронино Весьегонского района — рассмотрены пространственные связи сельского сообщества. В статье дана всесторонняя характеристика деревни Пронино за последние 150 лет. Оценено влияние географического фактора на развитие населенного пункта, проанализирована специализация, рассмотрены тенденции демографического развития. Установлена взаимосвязь между эволюцией функций населенного пункта и изменением его людности. На основе данных полевых исследований проанализированы реальные связи местных жителей с другими населенными пунктами и регионами. Большинство жителей Пронино являются уроженцами деревни и окружающих ее населенных мест. Совершенно противоположная картина наблюдается в распределении мест переезда детей жителей Пронино. Большинство детей переехало в Санкт-Петербург и Весьегонск. В последние годы миграционные тренды изменились, все чаще дети местных жителей выбирают региональную столицу — Тверь. География подписчиков виртуального сообщества деревни Пронино в социальной сети «ВКонтакте» во многом отражает реальные пространственные связи. Большая часть подписчиков сообщества проживает в Санкт-Петербурге. На втором месте по количеству подписчиков расположился районный центр — Весьегонск, на третьем — Тверь. Сопоставление данных полевых исследований и данных социальных сетей позволило сделать вывод, что виртуальная мобильность сельского населения имеет пространственные тренды почти такие же, как и реальная. Особое внимание уделено сезонной миграции населения, в ходе опроса дачников выявлены места их постоянного проживания и главные причины выбора деревни Пронино. Данные опроса подтвердили гипотезу о том, что целевыми пользователями «дальних дач» являются уроженцы этих населенных пунктов.

Ключевые слова: миграция населения, миграционная история сообщества, пространственные связи населения, сельская местность, виртуальная мобильность, межстоличное пространство, дачники.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00725).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

1. Введение

Сельская местность Нечерноземья, начиная со второй половины XX в., сталкивается с серьезными вызовами: отток молодого населения, депопуляция, закрытие сельскохозяйственных предприятий и сворачивание сети социальных учреждений. Все это стало звеньями одной цепи, которая привела к глубокому кризису на селе. Изучение процессов, протекающих в сельской местности, является не только источником информации для принятия управленческих решений, но и отчасти представляет краеведческую ценность.

Особенно важны в этом отношении крупномасштабные исследования отдельных населенных пунктов (которые историки науки определяют как «монографические исследования деревни», см. (Рывкина, 1998; Верняев, 2005) и др.).

Говоря об истории такого рода исследований, географы в первую очередь вспоминают работу Н. Н. Баранского о селе Чистюнька (Трегубов, 1907). Интересно, что таких работ (выполняемых не географами, а земскими статистиками, врачами, учителями и др.) было много. Так, село Чистюнька за 8 лет исследовалось три раза: в 1897, в 1901 (Н. Н. Баранским) и в 1905 гг., причем исследования 1897 и 1905 гг. охватили все села Барнаульской волости. Сам Н. Н. Баранский писал так: «...науки из Чистюньской эпопеи я вынес больше, чем из Университета и всех книжек. Познание крестьянства “во всех опосредованиях”, познание на собственном опыте, из личных впечатлений, познание его во всех “подразделениях” было мне совершенно необходимо для политического моего самоопределения», цит. по: (Агирречу, 2007).

К сожалению, Н. Н. Баранский не закончил работу над текстом¹, поэтому мы можем знакомиться только с отдельными его фрагментами. Но и они производят сильное впечатление, прежде всего своей всеохватностью, дотошностью и в то же время прекрасным русским языком. Он описывает землепользование (и споры за землю), занятия населения, торгово-промышленные заведения (маслобойки, лавки, мельницы, кирпичный завод и т. д.) и их доходы; повествует о том, сколько стоит сажень дров, сколько надо платить работникам на разных работах и многое другое. Отдельно анализируются переселенцы: как они добирались, как устраиваются на месте, каково их благосостояние по сравнению со старожилами и т. д.

Многочисленные описания деревень продолжают выходить и в первое десятилетие советского периода. Среди них отмечается как «образцовое» исследование М. Я. Феноменова (1925а, 1925б), выполненное в 1921–1923 гг. в дер. Гадьши Валдайского уезда Новгородской губернии (сейчас Фировский район Тверской области, деревня была переименована в пос. Комсомольский), опубликованное в виде двух книг. За эту работу М. Я. Феноменов был удостоен серебряной медали Русского географического общества (в 1926 г.). Но вскоре он подвергся критике за «недооценку классовую борьбу в деревне» и более по этой теме не работал.

---

¹ Вот как об этом пишет составитель: «Н. Н. Баранский провел вторую подворную перепись со специальной целью изучения переселенческого вопроса. Перепись эта была подсчитана, текстовая же обработка материала осталась незаконченной и поэтому исследование г. Баранского не было напечатано... В 1905 г. снова была проведена подворная перепись всех селений Барнаульской волости, и Н. М. Трегубов, используя материалы трех переписей по Чистюньке и рукописи Баранского разработал итоговый текст, включив в него отрывки текста Баранского» (работа Н. М. Трегубова была закончена летом 1906 г.).

В 1930–1940-х гг. работы такого типа не выполнялись и лишь с конца 1950-х гг. в основном силами этнографов стали снова осуществляться. Их направленность была уже совершенно другой. Примером такой работы может служить книга «Культура и быт колхозников Калининской области» (Анохина и Шмелева, 1964). Над ней работал один из 18 отрядов огромной экспедиции под говорящим названием «Комплексная экспедиция по изучению изменений социально-бытового и культурного уклада у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму». В журнале «Новый мир» была опубликована рецензия на книгу, называвшуюся «Необъективные обобщения». Автор, уроженец этих мест, справедливо упрекал этнографов в «фальши», выборе лучших колхозов, отнюдь не типичных для области. Действительно, для описания был выбран лучший в Калининской области колхоз в дер. Молдино Удомельского района (Алымов, 2010).

Географы обратились к этим сюжетам позднее — в конце советского периода, и особенно — в постсоветский. Видимо, первой публикацией по этой теме была статья А. И. Чистобаева «Совхоз в глубинке Нечерноземья» (1989), в которой автор описал нелегкую судьбу его родных мест в советский период. Позже, в 2000-х гг., появились работы по «Угорскому проекту», начавшемуся в 1996 г., когда профессор Н. Е. Покровский, а затем и ряд его коллег купили дома в дер. Медведево в Мантуровском районе Костромской области. Вместе с коллегами (в том числе с географами Т. Г. Нефедовой и А. А. Трейвишем) он превратил обычную деревню в центр междисциплинарного изучения Ближнего Севера (Нефедова, 2008; Покровский и Нефедова, 2012; 2014). Динамику расселения одной волости за полтора века исследовала А. А. Фомкина (2017).

Постсоветские географические исследования деревни в значительной степени опирались на методологию и методику исследования сельской местности, разработанные в новосибирской социологической школе под руководством Т. И. Заславской (Заславская, 1970; Заславская и Рывкина, 1980; и др.). Географы взяли на вооружение и разработанную Р. В. Рывкиной (1979; и др.) концепцию исследования образа жизни сельского населения (Федулов, 1998; и др.). Для новосибирской школы была характерна опора на большой статистический материал по нескольким сотням деревень и на массовые опросы населения.

Возрождение дореволюционных традиций в социологическом изучении деревни началось в 1990-х гг., когда Теодор Шанин получил большой грант на исследование исторической социологии советского (в дальнейшем — российского) села. Главным методом было «включенное наблюдение» повседневной жизни отобранных сел. В каждом селе группа из двух исследователей должна была работать в течение 6–8 месяцев, после чего переезжать в следующее село. Вокруг этого проекта сложился высокопрофессиональный коллектив исследователей: В. Виноградский, А. Никулин, О. Фадеева и многие другие (Шанин и др., 2002), продолжающих изучать различные аспекты сельской жизни.

С 2000-х гг. сельское население все чаще рассматривается не само по себе, а в составе «сельско-городского континуума», общей подвижности населения, перемещения населения между городом и селом (Нефедова и др., 2016; Пивовар и Алексеев, 2018; и др.).

Пространственные связи населения исследуются в парадигме новой мобильности, которая оформилась в социальных науках в начале 2000-х гг. (Sheller and

Urry, 2006) и была переосмыслена десятилетие спустя (Sheller and Urry, 2016). Она определяет ведущую роль движения населения, которое лежит в основе большинства социальных практик. Работа в рамках этой парадигмы предполагает изучение разных аспектов, включая физические и виртуальные перемещения людей.

Продолжающаяся урбанизация и глобализация приводят к появлению новых форм пространственной мобильности, которые влияют на развитие сельской местности. Примеры такой трансформации в европейских странах нашли отражение в коллективной монографии (Hedberg and do Carno, 2012). На различных кейсах из Португалии и Ирландии, Румынии и Швеции авторы демонстрировали, как изменялась сельская местность под действием миграционных процессов. В зарубежной практике чаще всего внимание уделяют возвратным миграциям или замещению населения сельских населенных пунктов новыми жителями, горожанами или выходцами из других стран (Hedberg and Naandrikmar, 2014). Примеры модернизации села, которая осуществляется благодаря связи с городом и вернувшимся мигрантам, есть не только за рубежом, но и в российской практике (из недавних работ см. (Аверкиева, 2020)).

В данной статье рассмотрим, как трансформация конкретного сельского населенного пункта отразилась в пространственных связях его жителей. В качестве объекта исследования выбрана дер. Пронино Весьегонского района — родная деревня одного из авторов статьи.

2. Материалы и методы

Для выявления особенностей миграционных направлений в данной работе были использованы два основных метода: подворовый обход (Нефедова и др., 2016) и анализ «цифрового следа» на основе данных социальной сети «ВКонтакте». На первом этапе был проведен сплошной опрос жителей деревни о месте их рождения и о месте переезда их детей. Всего были опрошены представители 64 домохозяйств. На втором этапе была проанализирована география подписчиков интернет-сообщества исследуемого населенного пункта. Затем данные полевого и виртуального исследований были сопоставлены. Кроме того, было проведено исследование сезонного населения и его пространственных связей.

3. Объект исследования

Весьегонский район расположен на северо-востоке Тверской области и является приграничным (граничит с районами Ярославской и Вологодской областей). Это слабозаселенный район с низкими значениями плотности населения и густоты городской сети (Ткаченко и др., 2013). Численность населения района — 10,6 тыс. чел. Единственный городской населенный пункт — райцентр Весьегонска по численности населения относится к малым городам (6032 чел.). Из-за своего расположения и удаленности от крупных центров Весьегонский район относится к районам с низкой степенью глубинности (Ткаченко и Фомкина, 2012). Район имеет старую возрастную структуру и давнюю убыль населения и по демографическим характеристикам является сверхкризисным (Щукина, 2017). Из относительно успешных предприятий района можно выделить ОАО «Весьегонский Винзавод» (плодово-

ягодные вина). Одним из приоритетных направлений развития является туризм (речные круизы и отдых на Рыбинском водохранилище).

Деревня Пронино расположена на расстоянии 255 км от областного центра и в 32 км от районного центра. Деревня представляет собой типичный сельский населенный пункт Нечерноземья. Основными занятиями местных жителей являются ведение личного подсобного хозяйства, в том числе товарного, и работа в бюджетных учреждениях.

В конце XIX — начале XX в. в окрестностях деревни велось активное строительство железных дорог, в 1919 г. была открыта железнодорожная ветка Сонково — Весьегонск. В относительной близости от дер. Пронино (23 км) находится узловая станция Овинищи-2, через которую долгое время курсировали пассажирские поезда в направлениях на Санкт-Петербург и Москву (через дер. Савелово). В довоенный период в деревне была своя мельница, где занимались размолом зерна в муку и выработкой льняного масла.

В послевоенное время большинство жителей работало в колхозе «Родина». Колхоз занимался откормом и доращиванием молодняка крупного рогатого скота и выращиванием льна. В 1977 г. дер. Пронино попала в число 29 перспективных населенных пунктов района. Причем это был единственный населенный пункт колхоза «Родина», получивший такой статус. Благодаря этому в деревне был открыт ряд социальных учреждений. К концу советского периода в дер. Пронино работали начальная школа, детский сад, магазин, почта, клуб, фельдшерско-акушерский пункт.

В отличие от многих деревень Нечерноземья в дер. Пронино с началом 1990-х гг. жизнь ненадолго изменилась к лучшему. В 1992 г. было введено в строй новое здание школы. Вслед за основной школой в деревню перенесли и администрацию Чернецкого сельсовета, а позже дер. Пронино стала центром одноименного сельского поселения. В 1996 г. был построен новый зерносушильный комплекс.

В 2000-х гг. начался процесс экономического и социального сжатия. Колхоз превратился в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) и серьезно сократил объемы производства. Перестал работать зерносушильный комплекс. В 2002 г. закрылся детский сад, а в 2014 г. — школа. В 2018 г. в результате муниципальной реформы Пронинское сельское поселение было ликвидировано, а его территория вошла в Ивановское сельское поселение.

Динамика людности дер. Пронино отражает ее исторический путь. Рост численности населения наблюдался до 1930-х гг. Максимальная людность была зафиксирована в 1931 г. — 239 чел. В послевоенные годы с ускорением процесса урбанизации и развитием пассажирского сообщения между Весьегонском и Санкт-Петербургом наметилась тенденция сокращения людности деревни. В рамках развития дер. Пронино как «перспективного» населенного пункта в конце 1980-х гг. была построена новая улица. Среди местных жителей она получила название «Поселок». Дома улицы представляли собой «коттеджи на две семьи» — характерный для того времени тип жилищного строительства на селе. Жилье здесь предоставлялось молодым специалистам, переезжающим (или возвращающимся) в деревню после окончания средних специальных и высших учебных заведений. Таких переселенцев было несколько десятков. Поэтому эта часть деревни отличается пестрой генетической структурой населения. Для усиления значимости «перспективного» населенного пункта в начале 1980-х гг. в ее состав был включен соседний населен-

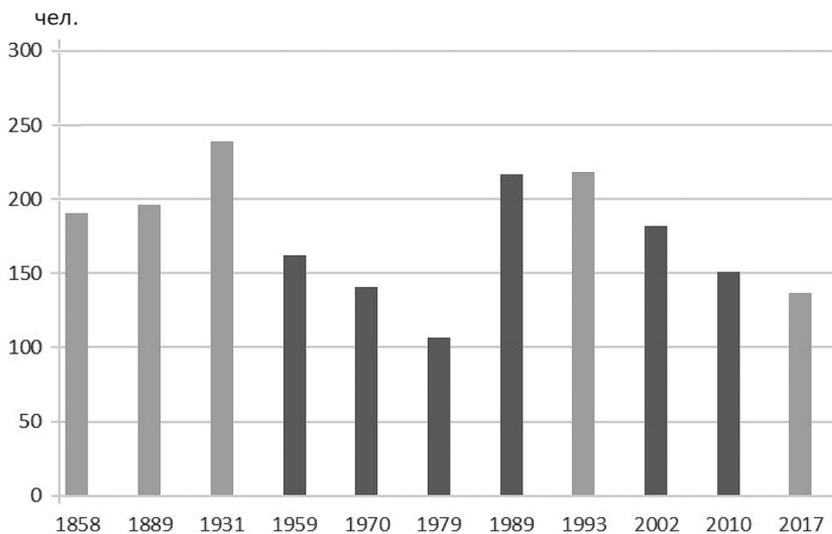

Рис. 1. Динамика людности дер. Пронино

ный пункт — дер. Волоотово. Два этих факта объясняют увеличение численности населения деревни по результатам переписи 1989 г.

На рубеже нового века людность продолжила убывать. По данным переписи 2010 г., в деревне насчитывался 151 житель, а по данным текущего учета на 2017 г., в дер. Пронино проживало 137 чел. (рис. 1). В настоящее время в СПК «Родина» началась процедура банкротства. В сельском хозяйстве трудятся несколько домохозяйств (всего 6 чел. — бывшие работники колхоза), занимающихся в основном небольшим животноводством и картофелеводством. Главным работодателем стал открытый в здании школы «Многофункциональный центр», включающий дом культуры, библиотеку, фельдшерско-акушерский пункт и магазин.

4. Результаты работы

4.1. Миграционная история

В дер. Пронино был проведен сплошной (подомовой) опрос населения. Немного в стороне от основной застройки расположена улица Волоотовская — бывшая деревня Волоотово. На этой улице не осталось постоянного населения, она состоит из немногочисленных дачных домов, поэтому была исключена из исследования. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Откуда Вы приехали?» Поскольку опрашиваемое население относится к старшим возрастным группам, задавался еще один вопрос: «Куда уехали Ваши дети?» Тем самым были получены данные о миграционной истории населения дер. Пронино в двух поколениях (рис. 2 и 3).

Наибольшая часть жителей являются уроженцами дер. Пронино или соседних населенных пунктов. Около 20% жителей приехали из других населенных пунктов Вьсыгонского района.

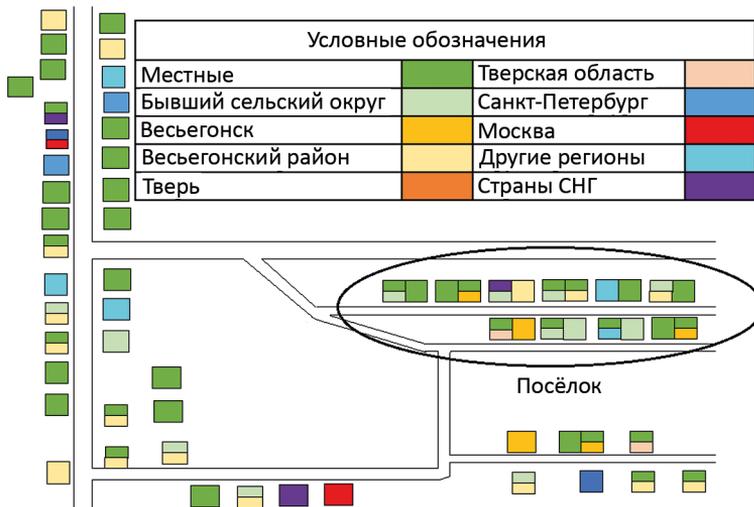

Рис. 2. Происхождение жителей дер. Пронино

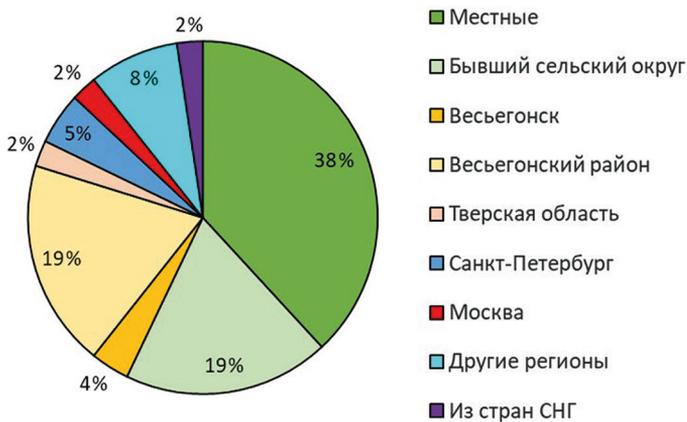

Рис. 3. Распределение местных жителей по месту происхождения

В целом на долю «местных» (деревня, сельсовет, район) приходится около 80 % всех жителей деревни. Это свидетельствует о низкой миграционной активности населения в советский период. Единичны случаи приезда в дер. Пронино из Москвы и стран СНГ. История переезда в деревню одной жительницы Москвы связана с обманной деятельностью черных риэлторов. Это произошло в 2018 г. Уроженец Республики Азербайджан переехал в дер. Пронино в 2003 г. из Твери, где у него был мелкий бизнес. Сейчас он занимается выращиванием картофеля для продажи в Тверь (рис. 4 и 5).

Ответы на вопрос «Куда уехали Ваши дети?» позволили сформировать представления о миграциях детей жителей дер. Пронино в последние 30 лет. Время переезда не конкретизировалось, но ответы жителей старшего поколения и среднего возраста различаются. Наиболее популярным местом для переезда среди де-

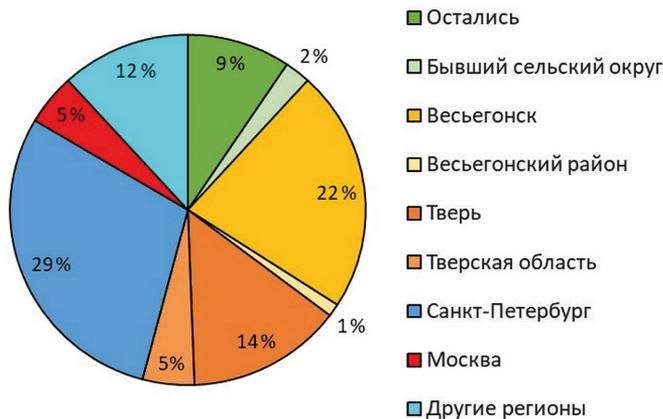

Рис. 4. Распределение домохозяйств по направлению переезда детей

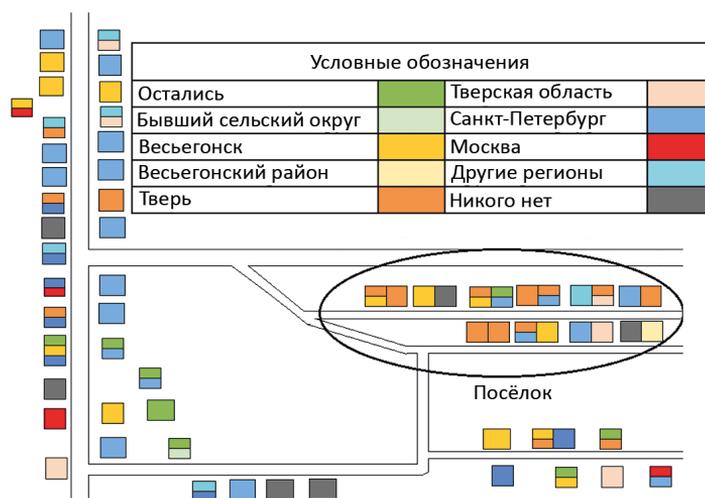

Рис. 5. Места переезда детей жителей дер. Прорино

тей жителей деревни является Санкт-Петербург (около 30%). Стоит отметить, что в Санкт-Петербург большая часть уехала из старой части деревни. Возможно, это связано с относительно хорошей транспортной доступностью. В советское время железная дорога, расположенная недалеко от деревни, использовалась интенсивно. Было гораздо больше поездов, проходящих по станции Овинищи-2 в сторону Санкт-Петербурга. Более тесные миграционные связи данной части Тверской области с Санкт-Петербургом, чем с Москвой, отмечались еще авторами работы «Географии Тверской области» (Ткаченко, 1992).

Почти четверть детей (около 23%) уехала в районный центр. Чуть менее 15% выбрали местом жительства областной центр. Тверь чаще выбирают дети жителей новой части населенного пункта («поселка»). Можно предположить, что два-три десятилетия назад Санкт-Петербург более интенсивно притягивал население дер. Прорино (рис. 5).

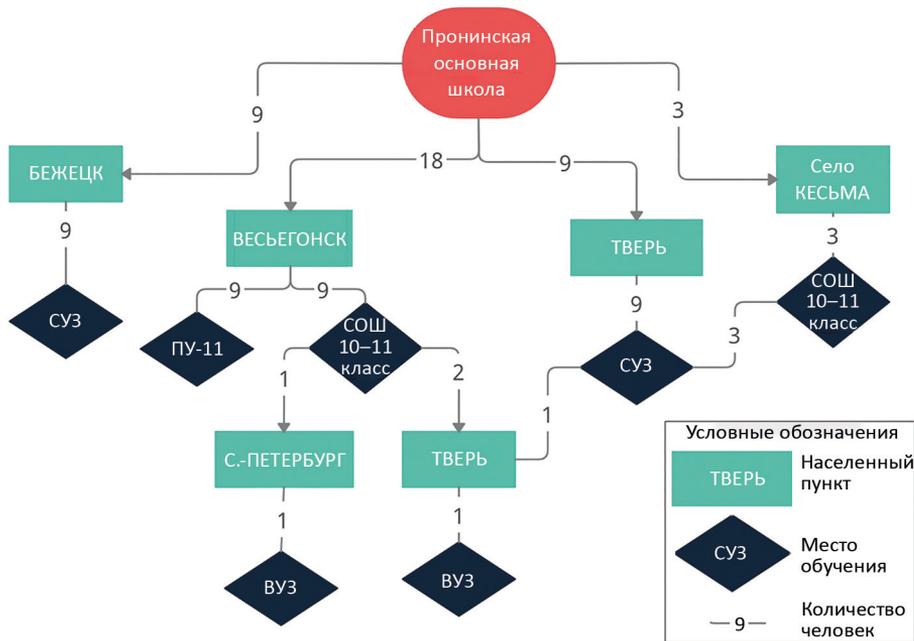

Рис. 6. Модели учебных миграций молодежи из дер. Пронино

Для рассмотрения характера образовательных миграций молодежи дер. Пронино были проанализированы данные о выпускниках местной основной общеобразовательной школы за последние 10 лет ее работы — 2004–2014 гг. Всего за это время школу окончили 37 чел., ни один из выпускников не вернулся обратно в деревню (рис. 6). Ввиду того что школа была основной, можно составить примерные модели поведения ее выпускников после девяти классов обучения в дер. Пронино. Чаще всего выпускники пронинской школы продолжали обучение в профессиональном училище № 11 в Весьегонске, таких 17 человек. Еще 5 человек уехали на обучение в колледжи Бежецка, 9 выпускников сразу после девяти классов поступили в колледжи Твери.

Всего 6 выпускников продолжили обучение в 10–11 классах, при этом трое были вынуждены жить и учиться в Весьегонске. Из них двое поступили в высшие учебные заведения — в Твери и Санкт-Петербурге, один — в колледж Твери. Еще трое окончили 11 классов в МБОУ «Кесемская СОШ» в с. Кесьма Весьегонского района в 10 км от дер. Пронино. Все они после школы продолжили обучение в колледжах Твери. Таким образом, анализ образовательных миграций выявил ранний возраст (14–15 лет) учебных мигрантов, что связано с отсутствием школы, а также подтвердил ориентацию молодежных миграций на районный и областной центры.

Закрытие сельскохозяйственного предприятия и социальных учреждений изменило экономическое поведение местного трудоспособного населения. После закрытия школы местные учителя (3 чел.) были вынуждены трудоустроиться в Кесемскую СОШ и каждый день ездить на работу за 10 км от дома. Один мужчина работает вахтовым методом разнорабочим в Санкт-Петербурге. Еще двое нанимаются на хозяйственные работы по всей территории бывшего сельского поселения.

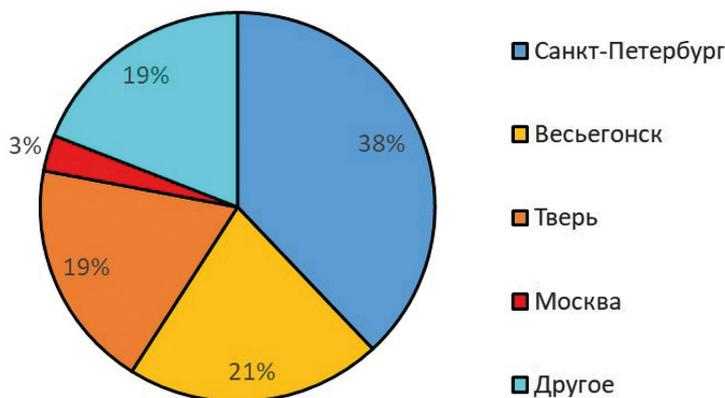

Рис. 7. Доля подписчиков сообщества дер. Пронино в социальной сети «ВКонтакте» по месту их проживания, в %

Жители трудоспособного возраста примерно поровну делятся на тех, кто работает в деревне, и тех, кто вынужден работать за пределами населенного пункта проживания.

В последние годы в деревне наметилась тенденция оттока пожилых жителей. Это сравнительно небольшой по объему отток — всего несколько человек. Отсутствие качественной медицины и необходимость присмотра за пожилыми родителями вынуждают пенсионеров переезжать к детям в города.

4.2. Виртуальные пространственные связи

Информация о виртуальных связях жителей дер. Пронино была получена на основе анализа сообщества, посвященного деревне, в социальной сети «ВКонтакте». Сообщества сельских населенных пунктов, как правило, являются относительно закрытыми, в них практически нет случайных людей. Группа имеет позитивное название — «ПРОНИНО СУПЕР». В описании указано, что группа создана для тех, кто имеет какое-либо отношение к дер. Пронино. К сожалению, контент группы давно не обновлялся, чаще всего там размещаются различные рекламные объявления.

Сообщество насчитывает 107 чел., из них указали информацию о себе 91 чел. Средний возраст участников 35 лет, что подтверждает факт использования социальных сетей в основном молодым и активным населением. Из 91 подписчика 82 указали свое местожительство. Каждый третий участник сообщества сейчас проживает в Санкт-Петербурге. Второе место по числу подписчиков занимает Весьегонск, третье — Тверь. В Москве проживают немногие участники сообщества (рис. 7). Сильное виртуальное представительство петербуржцев в Весьегонском районе было отмечено авторами и в более раннем исследовании (Смирнов и др., 2019).

4.3. Сезонная миграция (дачники)

Сегодня в Нечерноземье дачники становятся важным актором местных систем расселения, трансформирующим сложившиеся на локальном уровне связи (Нефедова, 2015). По типологии дач, предложенной авторами книги «Между домом

и домом...» (Нефедова и др., 2016), дер. Пронино можно отнести к дальним дачам. Это дачи, удаленные от основных центров (Москвы и Санкт-Петербурга) на 300–700 км. По генетическому типу это сельские дома, унаследованные или купленные горожанами в деревне.

В дер. Пронино немного дачников, всего 8 дачных домохозяйств. Это связано с отсутствием точек притяжения для дачников (реки, озера) и удаленностью от крупных городов.

В ходе интервью выяснилось, что пять представителей дачных домохозяйств приезжают из Санкт-Петербурга, два — из Москвы и еще один из Весьегонска. Для шестерых дачников дер. Пронино — родина. Здесь жили их родители. Они приезжают в родительские дома. Представители одного дачного домохозяйства переехали на дачу в дер. Пронино из соседней деревни, в которой не осталось постоянного населения, и участвовали случаи мародерства. Представители еще одного домохозяйства выбрали дер. Пронино по рекомендации друга и не имеют никаких связей с территорией.

Шесть домохозяйств представлены пенсионерами, которые приезжают в Пронино на лето. Два домохозяйства состоят из людей среднего возраста 35–40 лет. Они посещают дачу во время летнего отпуска и на продолжительные праздники. За исключением представителей одного домохозяйства остальные приезжают в дер. Пронино на протяжении более 10 лет.

5. Выводы

Деревня Пронино за последнее столетие прошла классический путь трансформации сельского населенного пункта Нечерноземья. Процессы урбанизации и индустриализации, начиная с 1930-х гг., привели к оттоку местного населения в города. Удаленность и неблагоприятные условия ведения сельского хозяйства способствовали этому процессу. В 1970-х гг. дер. Пронино, на то время центральная усадьба колхоза «Родина», получила статус «перспективного» сельского населенного пункта. Это позволило изменить негативные тенденции депопуляции, по программе привлечения молодых специалистов в деревне построена новая улица, в 1980-х гг. открывается фельдшерско-акушерский пункт, детский сад, почта. Несмотря на кризис постсоветского периода, в деревне в 1990-х гг. открываются новые объекты социальной и экономической инфраструктуры. В целом преференции, полученные дер. Пронино от статуса «перспективного» сельского населенного пункта, положительно сказались на развитии деревни и позволили отложить деградацию сети объектов социальной инфраструктуры до середины 2010-х гг. Перспективность нашла отражение и в пространственной структуре деревни. В дер. Пронино четко выделяются две части (рис. 8). Старая — почти не жилая сегодня, в большей степени состоит из нежилых домов и домов, в которые приезжает сезонное население. Новая — построенная в 80-х гг. XX в., наиболее заселенная сегодня.

Все эти процессы вкуче с географическим положением нашли отражение в пространственных связях местных жителей. Местное сообщество имеет относительно однородную генетическую структуру. Ключевую роль в этом сыграла удаленность деревни от крупных центров и важных транспортных путей. Большинство представителей местного сообщества родились и выросли в дер. Пронино или

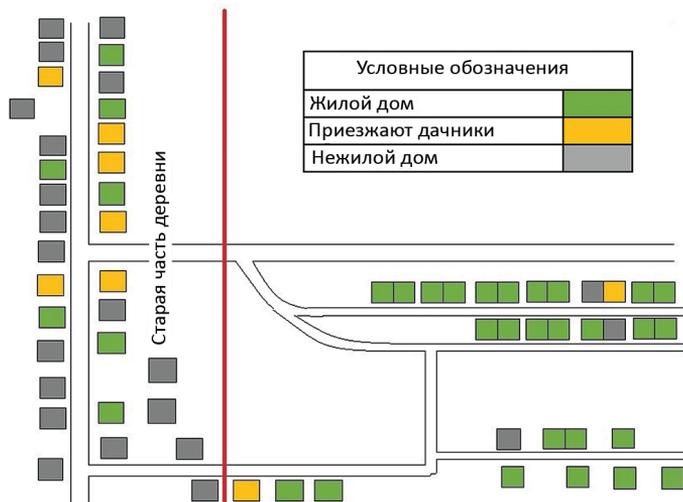

Рис. 8. Ситуационный план дер. Пронино, 2020 г.

ближайших населенных пунктах. Даже в период действия программы по привлечению молодых специалистов на село основными ее участниками стали выходцы из деревни и ее ближайшей округи.

Период активного миграционного оттока в деревне наблюдается с 1970-х гг. Продолжительное тяготение северо-востока области к Санкт-Петербургу и близость железнодорожных станций на этом направлении определил северную столицу основным направлением миграций в XX в. В последние годы дети жителей деревни (ее относительно новой части) в большей степени переезжают в Тверь, что свидетельствует о смене миграционных предпочтений. Во многом это объясняется усилением внутриобластных связей за счет появления частных автобусных перевозчиков. Движение по железной дороге, напротив, существенно сократилось. К тому же обучение детей в Твери значительно дешевле, чем в Санкт-Петербурге. Интересно, что для другой деревни, изученной ранее (дер. Гадьши), была выявлена такая же картина (Алексеев и др., 2016). Отметим, что преобладают миграционные связи с крупными центрами (Санкт-Петербург, Тверь) и отсутствуют с соседними регионами (Вологодская и Ярославская области).

Данные социальных сетей на локальном уровне можно использовать для выявления миграционных трендов. Анализ географии подписчиков сообщества дер. Пронино в сети «ВКонтакте» показал сходство с данными полевых исследований. Большая часть подписчиков, как и детей жителей, теперь проживают в Санкт-Петербурге. Вторым по популярности направлением стал районный центр Весьегонск. Эти факты позволяют утверждать, что на локальном уровне данные социальных сетей довольно репрезентативны.

Общий миграционный тренд подтверждается результатами исследований мест приезда дачников. Количество дачников в дер. Пронино невелико. Не дачный характер данного населенного пункта объясняется довольно серьезной удаленностью от крупных центров и отсутствием по близости от деревни мест притяжения (озер, крупных рек). Большинство дачников приезжают в дер. Пронино, так как

этот населенный пункт является их малой родиной. Сейчас многие из них проживают в Санкт-Петербурге.

Основываясь на анализе изменений в экономике, социальной сфере, а также пространственных связей местного населения, можно предположить, что в будущем население дер. Пронино продолжит сокращаться. Количество сезонно обитаемых домов возрастет. В географии дачников будут преобладать жители Твери и Весьегонска. Количество дачников из Санкт-Петербурга будет постепенно сокращаться.

Литература

- Аверкиева, К. В. (2020). Участие горожан в неаграрном развитии сельской местности: сельские гостевые дома на Русском Севере. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (2), 66–72.
- Агирречу, А. А. (2007). Село Чистюнька — «колыбель» советской районной школы экономической географии. *География*, 23, 41–42.
- Алексеев, А. И., Дельва, К. И., Усова, М. Д. (2016). «Генеалогические деревья» и социальные сети как источник информации для социально-географического изучения сельской местности. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (5), 93–95.
- Альмов, С. С. (2010). Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно. *Новое литературное обозрение*, 101 (1), 109–129.
- Анохина, Л. А., Шмелева, М. Н. (1964). *Культура и быт колхозников Калининской области*. Москва: Наука.
- Верняев, И. И. (2005). Локальные монографические исследования деревни 1920–1930-х годов: цели, методики, результаты. В: Ю. В. Кривошеев, под ред., *Историческое регионоведение*. Санкт-Петербург, 29–64.
- Заславская, Т. И. (1970). *Миграция сельского населения*. Москва: Мысль.
- Заславская, Т. И., Рывкина, Р. В. (ред.) (1980). *Методология и методика системного изучения советской деревни*. Новосибирск: Наука.
- Нефедова, Т. Г. (2008). Российская глубинка глазами ее обитателей. В: Н. Е. Покровский, под ред., *Угорский проект: экология и люди ближнего Севера*. Москва: СопСо, 98–120.
- Нефедова, Т. Г. (2015). Рекреация горожан как фактор сохранения и реконструкции сельского населения Нечерноземья. *Наука. Инновации. Технологии*, (2), 120–139.
- Нефедова, Т. Г., Аверкиева, К. В., Махрова, А. Г. (ред.) (2016). *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. Москва: Новый хронограф.
- Пивовар, Г. А., Алексеев, А. И. (2018). Сельско-городские взаимосвязи на границе с Московской агломерацией. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (6), 100–103.
- Покровский, Н. Е., Нефедова, Т. Г. (2012). Угорский проект — перспективы развития Ближнего Севера. В: М. Г. Пугачев, А. М. Никулин, под ред., *Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ученый записки РАНХиГС при Президенте РФ*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 7, 345–360.
- Покровский, Н. Е., Нефедова, Т. Г. (2014). Угорский проект — ключ к пониманию Ближнего Севера. В: Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой, под ред., *Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта*. Москва: Логос.
- Рывкина, Р. В. (1979). *Образ жизни сельского населения: Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности на примере Западной Сибири*. Новосибирск: Наука.
- Рывкина, Р. В. (1998). Социология села. В: В. А. Ядов, под ред., *Социология в России*, 2-е изд., перераб и допол. Москва: Институт социологии РАН.
- Смирнов, И. П., Виноградов, Д. М., Алексеев, А. И. (2019). К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте». *Известия Русского географического общества*, 151 (6), 69–80. <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80>
- Ткаченко, А. А. (ред.) (1992). *География Тверской области: Книга для учителя*. Тверь.

- Ткаченко, А. А., Фомкина, А. А. (2012). Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения. *Российская глубинка: модели и методы изучения*. Москва: Эслан, 49–62.
- Ткаченко, А. А., Фомкина, А. А., Шаврин, В. Н. (2013). Районные системы расселения. В: А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко, под ред., *Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география*. Москва: Издательский дом «Кодекс», 270–289.
- Трегубов, Н. М. (1907). Сибирское переселенческое селение с. Чистюнька Барнаульского уезда, Барнаульской волости: (материалы по изучению переселенческого вопроса по подворным переписям 1897, 1901 и 1905 годов). *Алтайский сборник: изд. Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества*. Барнаул: Типо-Литограф. П. Упр. Алтайского округа.
- Федулов, С. В. (1998). *Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты)*. Дисс. ... канд. геогр. наук. МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Феноменов, М. Я. (1925а). *Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. I: Производительные силы деревни*. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Феноменов, М. Я. (1925б). *Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. II: Старый и новый быт*. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Фомкина, А. А. (2017). Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (5), 68–75.
- Чистобаев, А. И. (1989). Совхоз в «глубинке» Нечерноземья. *Известия Всесоюзного географического общества*, 121 (6), 499–506.
- Шанин, Т., Никулин, А. М., Данилов, В. П. (2002). *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России*. Москва: МВШСЭН.
- Щукина, А. С. (2017). Особенности географических исследований демографических процессов. В: *Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения)*. Москва, 169–171.
- Hedberg, C. and do Carmo, R. M. (2012). Translocal ruralism. Mobility and connectivity in European rural spaces. *GeoJournal Library*, 103, 1–9.
- Hedberg, C. and Haandrikman, K. (2014). Repopulation of the Swedish countryside: Globalisation by international migration. *Journal of Rural Studies*, 34, 128–138.
- Sheller, M. and Urry, J. (2006). The new mobilities paradigm. *Environmental and Planning A*, 38 (2), 207–226.
- Sheller, M. and Urry, J. (2016). Mobilizing the new mobilities paradigm. *Applied Mobilities*, 1 (1), 10–25.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2019 г.
Статья рекомендована в печать 26 февраля 2021 г.

Контактная информация:

Смирнов Илья Петрович — ilya.geo2012@yandex.ru
Виноградов Дмитрий Михайлович — dmvinogradov@edu.tversu.ru
Алексеев Александр Иванович — alival@mail.ru

Spatial relationships of the local community (the case of the village Pronino, Vesiegonsky district, Tver region)*

I. P. Smirnov¹, D. M. Vinogradov¹, A. I. Alekseev²

¹Tver State University,
33, ul. Zhelyabova, Tver, 170100, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Smirnov, I. P., Vinogradov, D. M., Alekseev, A. I. (2021). Spatial relationships of the local community (the case of the village Pronino, Vesiegonsky district, Tver region). *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 66 (2), 236–251. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.203> (In Russian)

The article is devoted to topical issues of the study of population migration at the local level. On the example of a specific rural settlement — the village of Pronino, Vesyegonsky district — the spatial relations of the rural community are considered. The article gives a comprehensive description of the village of Pronino over the past 150 years. The influence of the geographical factor on the development of the settlement is estimated, specialization is analyzed, and trends in demographic development are considered. A relationship is established between the evolution of the functions of a settlement and the change in its population. Based on the data from field studies, the real ties of local residents with other settlements and regions are analyzed. Most of the inhabitants of Pronino are natives of the village and the surrounding settlements. A completely opposite picture is observed in the distribution of Pronino inhabitants' children who move. Most of the children moved to St. Petersburg or Vesyegonsk. In recent years, migration trends have changed, and more and more children of local residents choose the regional capital — Tver. The geography of subscribers of the virtual community of the village of Pronino in the social network VKontakte largely reflects the real spatial relations. Most of the community's subscribers live in St. Petersburg; in second place, the district center, Vesyegonsk; in third place, Tver. A comparison of field research data and data from social networks allowed us to conclude that the virtual mobility of the rural population has spatial trends almost the same as real ones. Particular attention is paid to the seasonal migration of the population, using a survey of summer residents who identified their permanent residence and the main reasons for choosing Pronino. The survey data confirmed the hypothesis that the target users of the “distant summer cottages” are natives of these settlements.

Keywords: population migration, community migration history, spatial relationships of the population, rural areas, virtual mobility, inter-metropolitan space, summer residents.

References

- Agirrechu, A. A. (2007). Chistyunka village — the “cradle” of the Soviet district school of economic geography. *Geografiia*, 23, 41–42. (In Russian)
- Alexeev, A. I., Delva, K. I. and Usova, M. D. (2016). “Family trees” and social networks as a source of information for the social-geographical analysis of rural territories. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiia*, (5), 93–95. (In Russian)
- Alymov, S. S. (2010). A non-random village: Soviet ethnographers and collective farmers on the path “from old to new” and vice versa. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 101 (1), 109–129. (In Russian)
- Anokhina, L. A. and Shmeleva, M. N. (1964). *Culture and life of collective farmers in the Kalinin region*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Averkiva, K. V. (2020). Participation of urban dwellers in the countryside development: rural guesthouses in the Russian North. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiia*, (2), 66–72. (In Russian)
- Chistobaev, A. I. (1989). State Farm in the remote place of the Non-Black Earth Region. *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*, 121 (6), 499–506. (In Russian)
- Fedulov, S. V. (1998). *Geographical study of lifestyle: (methodological and methodological aspects)*. PhD thesis. MSU. (In Russian)
- Fenomenov, M. Ya. (1925a). *Modern village. Experience of local lore survey of one village. Part I: The productive forces of the village*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo Publ. (In Russian)
- Fenomenov, M. Ya. (1925b). *Modern village. Experience of local lore survey of one village. Part II: Old and New Life*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo Publ. (In Russian)
- Fomkina, A. A. (2017). Transformation of rural settlement system in the old-developed Non-chernozem area (from the end of the 19th to the beginning of the 21st century). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiia*, (5), 68–75. (In Russian)
- Hedberg, C. and do Carmo, R. M. (2012). Translocal ruralism. Mobility and connectivity in European rural spaces. *GeoJournal Library*, 103, 1–9.

---

* The study was supported by the RFBR (project No. 18-011-00725).

- Hedberg, C. and Haandrikman, K. (2014). Repopulation of the Swedish countryside: Globalisation by international migration. *Journal of Rural Studies*, 34, 128–138.
- Nefedova, T. G. (2008). The Russian hinterland through the eyes of its inhabitants. In: N. E. Pokrovskii, ed., *Ugorskii proekt: ekologiya i liudi blizhnego Severa*. Moscow: SopSo Publ., 98–120. (In Russian)
- Nefedova, T. G. (2015). Recreation of citizens as a factor in the conservation and reconstruction of rural resettlement of the Non-Chernozem region. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, (2), 120–139. (In Russian)
- Nefedova, T. G., Averkieva, K. V. and Makhrova, A. G. (eds.) (2016). *Between home... and home. The return spatial mobility of population in Russia*. Moscow: Novyi khronograf Publ. (In Russian)
- Pivovarov, G. A. and Alekseev, A. I. (2018). Rural-urban relationships at the border of the Moscow agglomeration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (6), 100–103. (In Russian)
- Pokrovskii, N. E. and Nefedova, T. G. (2012). Ugorskii proekt — development prospects of the Middle North. In: M. G. Pugachev, A. M. Nikulin, ed., *Krest'ianovedenie. Teoriya, istoriya, sovremennost'. Uchenyye zapiski RANKhiGS pri Prezidente RF*, Moscow: “Delo” RANKhiGS Publ., 7, 345–360. (In Russian)
- Pokrovskiy, N. E. and Nefedova, T. G. (2014). The Ugrian project is the key to understanding the Near North. In: N. E. Pokrovskiy, T. G. Nefedova, ed., *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta*. Moscow: Logos Publ. (In Russian)
- Ryvkin, R. V. (1979). *The lifestyle of the rural population: Methodology, methods and results of studying the socio-economic aspects of life on the example of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian)
- Ryvkin, R. V. (1998). Sociology of the village. In: V. A. Yadov, ed., *Sotsiologiya v Rossii*, 2nd ed. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ. (In Russian)
- Shanin, T., Nikulin, A. M. and Danilov, V. P. (2002). *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Rural Russia Research*. Moscow: MVShSEN Publ. (In Russian)
- Shchukina, A. S. (2017). Features of geographical studies of demographic processes. In: *Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaseleniya v universitetakh (k 50-letiyu kafedry narodonaseleniya) (Deviatye Valenteevskie chteniya)*. Moscow, 169–171. (In Russian)
- Sheller, M. and Urry, J. (2006). The new mobilities paradigm. *Environmental and Planning A*, 38 (2), 207–226.
- Sheller, M. and Urry, J. (2016). Mobilizing the new mobilities paradigm. *Applied Mobilities*, 1 (1), 10–25.
- Smirnov, I. P., Vinogradov, D. M. and Alekseev, A. I. (2019). To Moscow or to Saint Petersburg? Population gravity of the Tver Region according to the data of “VKontakte” online network. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 151 (6), 69–80. <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80> (In Russian)
- Tkachenko, A. A. (ed.) (1992). *Geography of the Tver region: A book for a teacher*. Tver. (In Russian)
- Tkachenko, A. A. and Fomkina, A. A. (2012). A province of Central Russia: experience of formal identification. In: *Rossiiskaia glubinka — modeli i metody izucheniya*. Moscow: Eslan Publ., 49–62. (In Russian)
- Tkachenko, A. A., Fomkina, A. A. and Shavrin, V. N. (2013). Settlement systems of municipal districts of Central Russia. In: A. A. Alekseev, A. A. Tkachenko, ed., *Voprosy geografii. Sb. 135. Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya*. Moscow: “Kodeks” Publishing house, 270–289. (In Russian)
- Tregubov, N. M. (1907). Siberian resettlement village with. Chistyunka, Barnaul district, Barnaul volost: (materials on the study of the resettlement issue based on the house-to-house censuses of 1897, 1901 and 1905). In: *Altayskii sbornik: izd. Altayskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imp. Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Barnaul: Tipo-Litogr. Gl. Upr. Alt. okruga. (In Russian)
- Vernyaev, I. I. (2005). Local monographic studies of the village of the 1920–1930 s: goals, methods, results. In: Yu. V. Krivosheyeva, ed., *Istoricheskoe regionovedenie*. St. Petersburg, 29–64. (In Russian)
- Zaslavskaya, T. I. and Ryvkin, R. V. (eds) (1980). *Methodology and methodology for the systematic study of the Soviet countryside*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian)
- Zaslavskaya, T. I. (1970). *Rural migration*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

Received: December 5, 2019
Accepted: February 26, 2021

Contact information:

Ilya P. Smirnov — ilya.geo2012@yandex.ru
Dmitry M. Vinogradov — dmvinogradov@edu.ru
Alexander I. Alekseev — alival@mail.ru